

УДК 72(09)

В.Н. Ткачёв

ФГБОУ ВПО «МГСУ»

ФЕНОМЕН ВРЕМЕНИ В АРХИТЕКТУРЕ

Рассмотрены физические концепции времени в проекции на историческую и современную архитектуру. Негативно оценен ряд тенденций в характеристике эволюции архитектурных явлений и методов реставрации исторических памятников. Обращено внимание на факт формирования в науке новых парадигм, связанных с определением физического статуса времени.

Ключевые слова: дестабилизация архитектурных концепций, физический смысл времени, конфликт старого и нового в архитектуре.

Утрачено равновесие: в обществе, науке, искусстве...

Широкий поток дестабилизирующей информации от СМИ с пересмотром сложившихся представлений об истории человечества, сомнения в ее самостоятельности и естественной эволюции приводят к сгущению тумана неопределенности и его конденсации в виде новой религии.

Как же еще назвать складывающуюся систему мировоззрения, в основе которой лежит вера во вселенский космический разум, в инопланетян, воздвигнувших на Земле пирамиды-радиотрансляторы или генераторы энергии и обещавших вернуться?

Да, существует психопатическое явление отказа от необходимости доказательства догм религии, описанное Л. Фестингером и С. Кьеркегором [1, с. 407]. Но экзопланетный психоз с регулярными телепередачами-страшилками, где обещают раскрыть все тайны мира и утробными голосами (и с нездоровым блеском в глазах) вещают об угрозе гибели цивилизации, — это уже глобальная реальность, моральная подготовка к Апокалипсису. И теперь он уже не имеет права не состояться.

Все это далеко от шуточных розыгрышей и вносит разрушающий импульс в ментальную атмосферу общественной жизни (не все же обладают иммунитетом от заклинаний!), что заметно отражается и на явлениях среды обитания.

Как поле реализации наиболее креативных потенциалов общества архитектура адекватно отображает и партикулярную организованность имперских ансамблей, и стихийную коагуляцию городов. Сопоставление истории и современности убеждает в синхронности существования того и другого, особенно сейчас, когда социальные градостроительные программы беззастенчиво попираются частным капиталом, имеющим свои понятия о целесообразности законов урбанистики, и его лобби во властных структурах.

Здесь на поверхность выходит противостояние традиционного видения городской среды как системы устойчивых образов и консервативных комфортных представлений — с одной стороны, и назревших акций по санации, совершенствованию обслуживания и транспортных сетей, цивилизованного благоустройства при возросшей плотности застройки — с другой.

Стороны представлены, как правило, разными поколениями, и конфликт сакрального отношения к сложившимся культурным ценностям и необходимости адаптировать среду к быстро нарастающим потребностям постоянно углубляется. Усугубляет ситуацию образование очагов этнорелигиозной конфронтации.

Честь и хвала тем градостроителям, которым удается смягчить противостояние отцов-детей и проводить преобразования в щадящем режиме, используя психологические шлюзы: смотрят проекты, обсуждения, публикации. И как бы большинство населения крупных городов ни относилось негативно к монстрам компьютерной архитектуры, неожиданно и споро вырастающим в канве города, история, по-видимому, их оправдает, да еще вынудит «подтянуть» к их масштабу остальную застройку. Тем не менее неудачная эпопея с конкурсным проектированием штаб-квартиры Газпрома в Санкт-Петербурге дала урок допустимости только стадийного в пространстве и времени укрупнения масштаба новостроек, визуально не угнетающих сложившуюся среду.

Права оказались немцы, предложившие концепцию подземного решения комплекса!

Проблемы современной архитектуры, ее успехи и промахи будут оценены позже, а вот что касается ее истории, особенно древней, то представляется, что она нуждается в защите от хлынувшего потока мистических измышлений, никак не фильтруемых ни здравым смыслом, ни добытыми наукой знаниями, спекулирующих на действительно удивительном феномене мегалитических сооружений древности, отказывая предкам в способности точной подгонки друг к другу каменных блоков и адресуя признательность пришельцам с Ориона за техническую поддержку. Понятно, что жажду нового прочтения истории не утолить скучными описаниями О. Шуази строительных приемов древних египтян [2, с. 21—26].

Вообще говоря, экзопланетарная тематика есть позитивное начало в становлении представлений о предназначении, истоках и истории человеческой расы, если забыть для чистоты эксперимента знания, добытые Ж.-Б. Ламарком, Ч. Дарвином, А.Н. Северцовым [3, с. 581].

Дело в том, что расширение круга ассоциативных представлений, выходящих за пределы земных явлений, создает необходимые ментальные предпосылки для развития науки, техники, философии бытия, прокладывающих дорогу к выходу (исходу?) человека в космос, раз уж никакие этические упреки не останавливают разорения собственной планеты. Ибо очевидно, что несмотря на быстрые, даже слишком быстрые темпы прогресса технической цивилизации, существует дефицит ассоциативного материала для создания новых гипотез в постижении мироздания.

Современные модели, планетарные, торсионные или вибрационные, с античных времен разработанные физикой и устанавливающие удовлетворительную логику закономерностей конструкции и жизни Вселенной, остаются гипотетичными и умозрительными, пересматриваются в зависимости от изобретательности и аналитического таланта исследователей, степени цементированности или раскованности их мышления. Серьезный вклад в раскачивание амплитуды ассоциативного мышления вносят писатели-фантасты, например, Клиффорд Саймак.

Чем дальше, тем глубже неясность сути пространства и времени, неубедительность и примитивность теории Большого взрыва и расширения Вселенной. В чем, собственно, расширяется Вселенная и где она пребывала в состоянии точки? Когда и почему она начнет сжиматься? Может быть, эти космические процессы осуществляются регулярно и во многих очагах, скажем, галактиках, которые и являются вселенными? В этом смысле стоит вспомнить догадки индийского философа Нагарджуны о взаимовложении миров и платоновскую модель компоновки идеальных геометрических тел, олицетворяющих стихии.

Наивные и, казалось бы, беспочвенные размышления древних неожиданно могут оказаться тем ключом, которым открывается дверь «абсолютного» знания. Парадигма имманентного земного бытия стала тесной для новых запросов мировоззрения, ожидающего от космоса фантастических по своим перспективам откровений и... смертельной катастрофы.

Если пониманию материальности пространства возражать нелепо, то материальность времени и его креативные возможности (Н.А. Козырев полагал, что время есть источник энергии, «поддерживающий свечение звезд» [4, с. 191]) не воспринимаются позитивно.

Дилетанту, т.е. любому человеку, далекому от глубокомысленных абстракций современной физики, склонной к альянсу с религией, непонятно, каким образом время, этот выработанный сознанием эквивалент изменений и их мера, может быть реально действующей субстанцией [5, с. 128; 6, с. 159]. Понятнее, что время есть номинация движения, свойство последовательности перемещения и преобразования в пространстве, и существует как инструмент отсчета, как песочные часы [7, с. 232]. И только в трансцендентном уровне мышления допустим обратный ход отсчета последовательности событий, даже при гипотезе существования зеркальной Вселенной. Иными словами (все еще с точки зрения дилетанта, убежденного в том, что все науки должны давать внятные картины бытия), процесс отдаления современной космофизики от реальности в математическую абстракцию зашел так далеко, что и теория относительности А. Эйнштейна, устанавливающая неравномерность течения времени, представляется величайшей мистификацией XX в. Объективный мир абсолютен в своей диахронности и понятие ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ — это проблема познающего разума, ибо только сопоставлением фактов бытия развивается мышление человека.

Между прочим, придание времени статуса материальности в расчетах, связанных со скоростями преодоления космического пространства в поисках контактов с «братьями по разуму», делает идею полетов практически неосуществимой — в границах ньютоновской физики это будет путешествие дилижансом в бесконечность, к тому же нереальное в уязвимом биологическом теле.

И только исключение времени как предиката сверхдальних полетов может перевести на другие орбиты поиск новых путей преодоления немыслимо огромных пространств, независимых функционально по времени. Например, дистанционно управляемые сборка и деятельность роботов-исследователей на чужой планете. Так, возможно, поступают инопланетяне, направляя на Землю киборгов. И в тоннели связи между параллельными мирами не очень верится, хотя... Подобно времени в качестве устойчивых архетипов цивилизации различной степени «материального» статуса обладают некоторые виртуальные феномены: деньги, дракон, страна Шамбала, колдовство, плацебо...

Захватывающие идеи обновления парадигм бытия человечества, связанные с выходом в космос, как-то оттесняют на задний план и обесценивают сложившуюся культуру в ее «домашних» масштабах, естественных человеческих радостях, нормальном эволюционно сложившемся ритме наземного обитания — будем считать, что человек все же осознал свои экологические проступки и возвращает долги природе [8, с. 500].

Пафос освоения космоса сродни преклонению перед могучей поступью индустриализации начала XX в., только горизонты шире.

По большому счету, рывок технической революции двадцатого века лишь приближает человечество к катастрофе; в прошлые века это еще не было техногенным прессингом, но вектор процесса оставался неизменным.

Возвращаться в пещеры, конечно, никто не пожелает добровольно. Но можно хотя бы затормозить роковой экспресс, сохраняя, пусть даже виртуальную, привязанность морали к культуре «доброе старое времени» в надежде на прозрение. Но для осознания этого нужна, по-видимому, жестокая встряска. Так что Апокалипсис будет кстати и его креативными свойствами не следует пренебрегать!

Похоже, что совокупная карма человечества уже достаточно тяжела и пришла пора искупления грехов. А ведь наша раса еще не исчерпала себя в предъявлении вопросов, не созрела сверх установления законов термодинамики до понимания Вселенной, уяснения сквозной дихотомии всех ее проявлений, **ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ СМЫКАНИЯ ПРЕДЕЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ УНИВЕРСУМА**: нуля и бесконечности, удручающих расстояний и мгновенности контакта, расширения и сжатия звездных объектов и самой Вселенной, корпускулярно-волновых преобразований, точки преобразования мертвой материи в живую.

Некоторую аналогию сомкнутым крайним состояниям представляют колерное (не частотное) соседство алого и фиолетового цветов, интрига Мебиусова листа и бутылки Клейна.

Отказ считать время физической субстанцией не отвергает широкого использования его как универсальной меры движения, изменения, последовательности, упорядочения этапов различных процессов и оценки их длительности. В этом смысле время воплощается в движение, создавая иллюзию возможности перемещения как в прошлое, так и в будущее. Проектирование, собственно говоря, обозначает действие превращения будущих замыслов в произведение со свойствами прошлого, когда осуществлена реализация — это парадокс, отмеченный многими.

Архитектура — достаточно точные часы цивилизации, не дающие повода отказывать человечеству в единоличном авторстве своей культурной эволюции, не зависящей от инопланетных кураторов.

Величественны и поразительно просты по технологии возведения мегалитические гиганты древности. Это сочетание интригует. Отдельные поражающие воображение и непонятные артефакты: высокое качество обработки и подгонки многотонных каменных блоков, барельефы, напоминающие контуры электроприборов, и проч. — становятся надежными опорами удачно скомпонованных легенд. Понимание того, что добронзовая цивилизация, неразвитая в техническом и социальном отношении, не может одновременно обладать приемами антигравитации, основами аэродинамики, электроники, космической

связи — переадресовывает факт создания чудесных явлений атлантам, лемурийцам, обитателям планеты созвездия Ориона и т.п.

Но творцы истории сотрудничества забыли о постулате невмешательства в эволюцию чужой планеты, озвученном еще братьями Стругацкими — фантастами высокого уровня ответственности. Или инопланетные наставники были настолько деликатными, что бесследно «зачистили» факт своего пребывания?

Ближе к нашему времени фантазии чудес света рассеиваются: не инопланетяне же волокли гигантский блок стереобата к строительству Большого храма в Баальбеке, вырезали в скалах святилища Петры и Гарни, через прибалтийские топи доставляли на место колонны Исаакиевского собора и камень под памятник Петра Первого. Осталось удивление перед гигантскими затратами мускульного труда и точностью расчетов.

В функции мерного инструмента время отражено в архитектуре символикой вечности, незыблемости, статичности или динамики, особенностями понимания мироздания (круг — квадрат), созреванием и канонизацией художественной стилистики, благородным старением или ветшанием сооружений, сменой принципов организации пространства обитания и, наконец, прогностикой и ретроспекцией.

В самом понимании времени отчетливо прослеживается историческая динамика.

Ход времени в древности, надо полагать, расценивался как циклическое явление, обязанное наблюдениям смены дня и ночи, сезонов года, фаз Луны, затмений, ритму Олимпиад [9, с. 150].

И эта цикличность сопрягалась с незыблемой вечностью, с которой ассоциировались монументальность сакральных объектов и ореол бессмертия владык. Этот архетип восприятия мира воплотился в концентричных планировках поселений и храмовых комплексов, вложенных в несколько замкнутых футляров оград и имитирующих города небожителей.

Кольцо разомкнулось, когда организация линейной последовательности церемоний презентации придала большую ценность анфиладной системе пространств, предшествующих залу приемов. В дальнейшем обе системы компоновались в зависимости от сложности репертуара церемоний и масштаба архитектурного объекта — от пронаоса храма до города-святилища вроде Чичен-Ицы или китайского монастыря, спланированного в соответствии с концепциями фэн-шуй.

Принцип импозантности и тектонической надежности, гарантирующей долговечность, длительное время проецируется на визуальный образ здания, понимаемого как штучный, автономный объект архитектурной деятельности. Нужный эффект достигался «честной» архитектурой: грубой или тонкой обработкой камня стен и деталей (античность, романтика, готика). В последующем более экономичными и допускающими корректировку становятся приемы облицовки и штукатурки, а принцип соответствия формы здания его функциональному назначению растворяется интеграцией содержания объекта, сообщением ему многофункциональности.

Древние и старинные сохранившиеся здания визуально привлекательны достойным величием, патиной прожитых веков, хранящих дух места исторических событий. Они — свидетели истории. И современным наблюдателем

они воспринимаются позитивно даже в руинированном состоянии; в них есть шарм, понятный не только художникам на пленэре.

Если прежде архитектура апеллировала к чувствам монументальности, устойчивости, то современные быстро возводимые сооружения нередко выглядят как бутафорские изделия. Здания старинной постройки красиво стареют. Сегодняшние новостройки не стареют, при их разрушении образуется груда мусора из гнutoго металла, битого стекла и пластмассовой облицовки.

Возможно, именно чувство благоговейного почтения перед временем, материализованным в камне и дереве, вызывает понимание табуированности, регламентирует решительные действия реставраторов, которым поставлена задача лечить памятник.

Есть разница в сроках жизни каменного и деревянного строения, заставляющая взвесить сложившуюся идеологию и практику отношения к объекту как материальному фетишу в противопоставление концепции сохранения не вещества тела здания, а его архитектурного кода, образа, формулы возведения. Особенно актуальна проблема сохранения семейства деревянных памятников русского Севера, стоящих у черты исчезновения, ибо никакие косметические ремонты и пропитки не продлевают срок жизни деревянного сооружения сверх 300 лет.

Сложенные заново по прежнему образцу и по синхронной ему технологии, церкви через десяток лет приобретут «законную» серебристую патину. Боязнь новодела не позволила бы вернуть на место Казанскую церковь Красной площади, восстановить храм Спаса на Нередице, башни псковского Крома. А вот Кижи на грани гибели. Здесь символическое возвращение времени ничуть не менее ценно несуществующей его физической ипостаси; речь о сохранении не отдельного памятника, а всего вида.

Индивидуальное бессмертие, вечность видовой единицы — иллюзия. Достаточно протяженные сроки существования — как в мертвой, так и в живой природе (не исключая и человека) — выдерживает род, популяция, сообщество благодаря приобретению и закреплению адаптивных свойств в ходе генетического наследования поколений, где степень выживаемости зависит от мутационной гибкости кода ДНК. Это и есть эликсир бессмертия, принадлежащий всем. Смертность индивидуума есть необходимое условие относительного бессмертия вида, к которому он принадлежит. Эта закономерность — основное обстоятельство и механизм развития, в т.ч. и культуры. В ней же заключается и принцип бессмертия Кижей.

Пульсация технических и художественных начал в качестве катализаторов обновления архитектурных направлений имеет вектор развития, ориентированный только в будущее и закрепленный анизотропностью времени. Ничто не подтверждает тезис «новое — это забытое старое», есть лишь накопление архетипов образности и технологических приемов, и любая реинкарнация, в т.ч. архитектурная, есть только символ, театрализованная реминисценция, по своему привлекательная, но это уже относится к особенностям человеческой психики в восприятии среды, благосклонной к памяти прошлого.

Резюмируя вышесказанное, отметим следующее.

Время есть условный понятийный репер, отображающий последовательность изменений в структуре и движении объектов и явлений, фиксирующий поступь истории в общественном сознании [10, с. 132].

Сообщение времени свойства креативной физической субстанции, к чему склонна современная космическая физика, провоцирует «гуманитариев» на фантазии векторных операций с ним, на ревизию представлений о логике последовательности формирования человеческой культуры, переставляя события прошлого и будущего.

Вряд ли такие псевдотеоретические заносы будут способствовать остановке процессов дестабилизации современных воззрений на историю и перспективы человечества, прекращению их вульгаризации.

P.S. После подготовки статьи к публикации автор услышал по ночному радио интервью с доктором биологии А.П. Левичем, организатором института изучения природы времени в МГУ [11]. Содержание беседы удивительным образом совпало с проблематикой данной статьи, что лишней раз подтверждает факт начала конденсации новых научных идей, связанных с определением физического статуса времени.

Библиографический список

1. Религиоведение / под ред. М. Шахнович. М. : Питер, 2007. 430 с.
2. Шуази О. История архитектуры. Т. 1. М. : Изд-во АА СССР, 1935. 575 с.
3. Северцов А.Н. Морфологические закономерности эволюции. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1939. 610 с.
4. Козырев Н.А. Избранные труды. Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. 445 с.
5. Гоббс Т. Избранные произведения : в 2-х т. Т. 1. М., 1965. 180 с.
6. Берлики Дж. Трактат о началах человеческих знаний. СПб., 1905. 159 с.
7. Штейнман Р.Я. Пространство и время. М. : Гос. изд-во физ.-мат. лит., 1962. 240 с.
8. Потапов А.Д. Экология. М. : Высш. шк., 2004. 528 с.
9. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : Мысль, 1979. 620 с.
10. Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М. : Наука, 1986. 256 с.
11. Левич А.П. Проблемы времени и проблемы естествознания // Новый Акрополь. 2002. № 6. С. 12—15.

Поступила в редакцию в ноябре 2012 г.

Об авторе: **Ткачёв Валентин Никитович** — доктор архитектуры, профессор кафедры проектирования зданий и градостроительства, **ФГБОУ ВПО «Московский государственный строительный университет» (ФГБОУ ВПО «МГСУ»)**, 129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26, valentintn@mail.ru.

Для цитирования: *Ткачев В.Н.* Феномен времени в архитектуре // Вестник МГСУ. 2013. № 2. С. 29—36.

V.N. Tkachev

PHENOMENON OF TIME IN ARCHITECTURE

Physical concepts of time in relation to historical and modern architecture are considered in the article. A number of tendencies in the evolution of architectural phenomena and methods of restoration of historical monuments are criticized. Attention to formation of new paradigms associated with identification of the physical status of time is driven.

Comparison of the historic and the present-day information has proven the synchronism of existence of spontaneous and organized beginnings in the creation of the

architectural environment, especially now when the government loses control over urban planning programmes that are managed by the private capital.

There is an opposition between a traditional vision of an urban environment as the systems of historically stable images and conservative comfortable representations, on the one hand, and actions aimed at sanitation, improvement of public services and transportation networks, on the other hand.

An unsuccessful experiment involving the design of Gasprom headquarters in St.Petersburg is a lesson of admissibility. New buildings should not suppress the environment.

In the past, architecture appealed to feelings of monumentalism, stability, while present-day fast-to-build structures often look like fake products. Ancient buildings grow old beautifully. Present-day new buildings don't grow old, their destruction is accompanied by formation of a heap of garbage composed of bent metal stripes, fragments of broken glass and plastic that never loses its bright colors.

The problem of preservation of a family of wooden monuments in the Russian North is particularly relevant, as no actions can extend the life span of a wooden structure beyond 300 years. The architectural monuments of the Kizhi island are on the verge of destruction.

The pulsation of technological and artistic fundamentals as catalysts boosting new architectural directions has the vector of development focused only onto the future and fixed by the anisotropy of time. Nothing confirms the thesis that «anything new is the forgotten old», there is only an accumulation of archetypes of figurativeness and processing methods, and any reincarnation, including the architectural one, is only a symbol, the dramatized reminiscence which is in its own way attractive.

Key words: destabilization of architectural concepts, physical meaning of time, conflict of old and new in the architecture.

References

1. Shakhnovich M., editor. *Religiovedenie* [Religious Studies]. Moscow, Piter Publ., 2007, 430 p.
2. Shuazi O. *Istoriya arkhitektury* [History of Architecture]. Moscow, AN SSSR Publ., vol. 1, 1935, 575 p.
3. Severtsov A.N. *Morfologicheskie zakonomernosti evolyutsii* [Morphological Regularities of Evolution]. Moscow - Leningrad, AN SSSR Publ., 1939, 610 p.
4. Kozyrev N.A. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Leningrad, LGU Publ., 1991, 445 p.
5. Gobbs T. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, 1965, vol. 1, 180 p.
6. Berkeley J. *Traktat o nachalakh chelovecheskikh znaniy* [A Treatise concerning the Principles of Human Knowledge]. St.Petersburg, 1905, 159 p.
7. Shteynman R.Ya. *Prostranstvo i vremya* [Space and Time]. Moscow, GosizFMLit Publ., 1962, 240 p.
8. Potapov A.D. *Ekologiya* [Ecology]. Moscow, Vyssh. shk. publ., 2004, 528 p.
9. Diogenes Laertsky. *O gizni, ucheniah, i izrecheniah znamenitih filozofov* [About life, Doctrines and Quotes of Well-known Philosophers]. Moscow, Mysl' Publ., 1979, 620 p.
10. *Mify, kul'ty, obryady narodov zarubezhnoy Azii* [Myths, Cults, Ceremonies of Peoples of Foreign Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 256 p.
11. Levich A.P. Problemy vremeni i problemy estestvoznaniya [Problems of Time and Natural Sciences]. *Novyy Akropol'* [New Acropolis]. 2002, no. 6, pp. 12—15.

About the author: **Tkachev Valentin Nikitovich** — Doctor of Architectural Sciences, Professor, Department of Design of Buildings and Urban Planning, **Moscow State University of Civil Engineering (MGSU)**, 26 Yaroslavskoe shosse, Moscow, 129337, Russian Federation; valentintn@mail.ru.

For citation: Tkachev V.N. Fenomen vremeni v arkhitekture [Phenomenon of Time in Architecture]. *Vestnik MGSU* [Proceedings of Moscow State University of Civil Engineering]. 2013, no. 2, pp. 29—36.